

Куст сирени (Куприн)

Материал из Викитеки — свободной библиотеки

Перейти к: [навигация](#), [поиск](#)

Куст сирени

автор *[А. И. Куприн](#)* (1870—1938)

Опубл.: 1894^[1].

Википроекты: ▫ [Википедия](#) ▫ [Данные](#)

Редакции

- [Кусть сирени](#) — *А. И. Куприн* Полное собрание сочинений. — СПб.: Т-во А. Ф. Маркс, 1912. — Т. 7., дореформенная орфография
- [Куст сирени](#) — *А. И. Куприн* Полное собрание сочинений. — СПб.: Т-во А. Ф. Маркс, 1912. — Т. 7., современная орфография
- [Куст сирени](#) — *А. И. Куприн* Полное собрание сочинений. — СПб.: Т-во А. Ф. Маркс, 1912. — Т. 7., современная орфография, ёфицировано

Примечания

- ↑ Впервые — в газете «Жизнь и искусство», 1894, № 305, 17 октября.

▫ Это произведение находится в **общественном достоянии** в странах, где срок охраны авторских прав равен сроку жизни автора плюс 70 лет, или менее.

Источник — [«https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=Куст_сирени_\(Куприн\)&oldid=2436222»](https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=Куст_сирени_(Куприн)&oldid=2436222)

Куст сирени (Куприн)/ПСС 1912 (ВТ)

Материал из Викитеки — свободной библиотеки

< [Куст сирени \(Куприн\)](#)

Перейти к: [навигация](#), [поиск](#)

Куст сирени

автор [Александр Иванович Куприн](#) (1870—1938)

← [Мой паспорт](#)

Полное собрание сочинений А. И. Куприна (1912—1915)

[Белая акация](#) →

Опубл.: 1894. Источник: [Полное собрание сочинений А. И. Куприна \(1912\) т. 7. — СПб.: Т-во А. Ф. Маркс, 1912.](#)

Редакции

□ [Кусть сирени](#)

Куст сирени

[Куст сирени](#)

([список редакций](#))

Википроекты: [Википедия](#) [Данные](#)

Николай Евграфович Алмазов едва дождался, пока жена отворила ему двери, и, не снимая пальто, в фуражке прошел в свой кабинет. Жена, как только увидела его насупившееся лицо со сдвинутыми бровями и нервно закушенной нижней губой, в ту же минуту поняла, что произошло очень большое несчастье... Она молча пошла следом за мужем. В кабинете Алмазов простоял с минуту на одном месте, глядя куда-то в угол. Потом он выпустил из рук портфель, который упал на пол и раскрылся, а сам бросился в кресло, злобно хрустнув сложенными вместе пальцами...

Алмазов, молодой небогатый офицер, слушал лекции в академии генерального штаба и теперь только что вернулся оттуда. Он сегодня представлял профессору последнюю и самую трудную практическую работу — инструментальную съемку местности...

До сих пор все экзамены сошли благополучно, и только одному богу да жене Алмазова было известно, каких страшных трудов они стоили... Начать с того, что само поступление в академию казалось сначала невозможным. Два года подряд Алмазов торжественно проваливался и только на третий упорным трудом одолел все препятствия. Не будь жены, он, может быть, не найдя в себе достаточно энергии, махнул бы на все рукою. Но Верочка не давала ему падать духом и постоянно поддерживала в нем бодрость... Она приучилась встречать каждую неудачу с ясным, почти веселым лицом. Она отказывала себе во всем необходимом, чтобы создать для мужа хотя и дешевый, но все-таки необходимый для занятого головной работой человека комфорт. Она бывала, по мере необходимости, его переписчицей, чертежницей, чтицей, репетиторшей и памятной книжкой.

Прошло минут пять тяжелого молчания, тоскливо нарушаемого хромым ходом будильника, давно знакомым и надоевшим: раз, два, три-три: два чистых удара, третий с хриплым перебоем. Алмазов сидел, не снимая пальто и шапки и отворотившись в сторону... Вера стояла в двух шагах от него, также молча, с страданием на красивом, нервном лице. Наконец она заговорила первая, с той осторожностью, с которой говорят только женщины у кровати близкого трудно-больного человека...

— Коля, ну как же твоя работа?.. Плохо?

Он передернул плечами и не отвечал.

— Коля, забраковали твой план? Ты скажи, все равно, ведь вместе обсудим.

Алмазов быстро повернулся к жене и заговорил горячо и раздраженно, как обыкновенно говорят, высказывая долго сдержанную обиду.

— Ну да, ну да, забраковали, если уж тебе так хочется знать. Неужели сама не видишь? Все к черту пошло!.. Всю эту дрянь, — и он злобно ткнул ногой портфель с чертежами, — всю эту дрянь хоть в печку теперь! Вот тебе и академия! Через месяц опять в полк, да еще с позором, с треском. И это из-за какого-то поганого пятна... О, черт!

— Какое пятно, Коля? Я ничего не понимаю.

Она села на ручку кресла и обвила рукой шею Алмазова. Он не сопротивлялся, но продолжал смотреть в угол с обиженным выражением.

— Какое же пятно, Коля? — спросила она еще раз.

— Ах, ну, обыкновенное пятно, зеленой краской. Ты ведь знаешь, я вчера до трех часов не ложился, нужно было окончить.

План прекрасно вычерчен и иллюминирован. Это все говорят. Ну, засиделся я вчера, устал, руки начали дрожать — и посадил пятно... Да еще густое такое пятно... жирное. Стал подчищать и еще больше размазал. Думал я, думал, что теперь из него сделать, да и решил кучу деревьев на том месте изобразить... Очень удачно вышло, и разобрать нельзя, что пятно было. Приношу нынче профессору. «Так, так, н-да. А откуда у вас здесь, поручик, кусты взялись?» Мне бы нужно было так и рассказать, как все было. Ну, может быть, засмеялся бы только... Впрочем, нет, не рассмеется, — аккуратный такой немец, педагог. Я и говорю ему: «Здесь, действительно, кусты растут». А он говорит: «Нет, я эту местность знаю, как свои пять пальцев, и здесь кустов быть не может». Слово за слово, у нас с ним завязался крупный разговор. А тут еще много наших офицеров было. «Если вы так утверждаете, — говорит, — что на этой седловине есть кусты, то извольте завтра же ехать туда со мной верхом... Я вам докажу, что вы или небрежно работали, или счертили прямо с трехверстной карты...»

— Но почему же он так уверенно говорит, что там нет кустов?

— Ах, господи, почему? Какие ты, ей-богу, детские вопросы задаешь. Да потому, что он вот уже двадцать лет местность эту знает лучше, чем свою спальню. Самый безобразнейший педагог, какие только есть на свете, да еще немец вдобавок... Ну и окажется в конце концов, что я лгу и в препирательство вступаю... Кроме того...

Во все время разговора он вытаскивал из стоявшей перед ним пепельницы горелые спички и ломал их на мелкие кусочки, а когда замолчал, то с озлоблением швырнул их на пол. Видно было, что этому сильному человеку хочется заплакать.

Муж и жена долго сидели в тяжелом раздумье, не произнося ни слова. Но вдруг Верочка энергичным движением вскочила с кресла.

— Слушай, Коля, нам надо сию минуту ехать! Одевайся скорей.

Николай Евграфович весь сморщился, точно от невыносимой физической боли.

— Ах, не говори, Вера, глупостей. Неужели ты думаешь, я поеду оправдываться и извиняться. Это значит над собой прямо приговор подписать. Не делай, пожалуйста, глупостей.

— Нет, не глупости, — возразила Вера, топнув ногой. — Никто тебя не заставляет ехать с извинением... А просто, если там нет таких дурацких кустов, то их надо посадить сейчас же.

— Посадить?.. Кусты?.. — вытаращил глаза Николай Евграфович.

— Да, посадить. Если уж сказал раз неправду, — надо поправлять. Собирайся, дай мне шляпку... Кофточку... Не здесь ищешь, посмотри в шкафу... Зонтик!

Пока Алмазов, пробовавший было возражать, но не выслушанный, отыскивал шляпку и кофточку, Вера быстро выдвигала ящики столов и комодов, вытаскивала корзины и коробочки, раскрывала их и разбрасывала по полу.

— Серьги... Ну, это пустяки... За них ничего не дадут... А вот это кольцо с солитером дорогое... Надо непременно выкупить... Жаль будет, если пропадет. Браслет... тоже дадут очень мало. Старинный и погнутый... Где твой серебряный портсигар, Коля?

Через пять минут все драгоценности были уложены в ридикюль. Вера, уже одетая, последний раз оглядывалась кругом, чтобы удостовериться: не забыто ли что-нибудь дома.

— Едем, — сказала она наконец решительно.

— Но куда же мы поедem? — пробовал протестовать Алмазов. — Сейчас темно станет, а до моего участка почти десять верст.

— Глупости... Едем!

Раньше всего Алмазовы заехали в ломбард. Видно было, что оценщик так давно привык к ежедневным зрелищам человеческих несчастий, что они вовсе не трогали его. Он так методично и долго рассматривал привезенные вещи, что Верочка начинала уже выходить из себя. Особенно обидел он ее тем, что попробовал кольцо с бриллиантом кислотой и, взвесив, оценил его в три рубля.

— Да ведь это настоящий бриллиант, — возмущалась Вера, — он стоит тридцать семь рублей и то по случаю.

Оценщик с видом усталого равнодушия закрыл глаза.

— Нам это все равно-с, сударыня. Мы камней вовсе не принимаем, — сказал он, бросая на чашечку весов следующую вещь. — Мы оцениваем только металлы-с.

Зато старинный и погнутый браслет, совершенно неожиданно для Веры, был оценен очень дорого. В общем однако набралось около двадцати трех рублей. Этой суммы было более чем достаточно.

Когда Алмазовы приехали к садовнику, белая петербургская ночь уже разлилась по небу и в воздухе синим молоком. Садовник, чех, маленький старичок в золотых очках, только что садился со своей семьей за ужин. Он был очень изумлен и недоволен

поздним появлением заказчиков и их необычной просьбой. Вероятно, он заподозрил какую-нибудь мистификацию и на Верочкины настойчивые просьбы отвечал очень сухо:

— Извините. Но я ночью не могу посылать в такую даль рабочих. Если вам угодно будет завтра утром — то я к вашим услугам.

Тогда оставалось только одно средство: рассказать садовнику подробно всю историю с злополучным пятном, и Верочка так и сделала. Садовник слушал сначала недоверчиво, почти враждебно, но, когда Вера дошла до того, как у нее возникла мысль посадить куст, он сделался внимательнее и несколько раз сочувственно улыбался.

— Ну, делать нечего, — согласился садовник, когда Вера кончила рассказывать, — скажите, какие вам можно будет посадить кусты?

Однако изо всех пород, какие были у садовника, ни одна не оказывалась подходящей: волей-неволей пришлось остановиться на кустах сирени.

Напрасно Алмазов уговаривал жену отправиться домой. Она поехала вместе с мужем за город, все время, пока сажали кусты, горячо суетилась и мешала рабочим, и только тогда согласилась ехать домой, когда удостоверилась, что дерн около кустов совершенно нельзя отличить от травы, покрывавшей всю седловинку.

На другой день Вера никак не могла усидеть дома и вышла встретить мужа на улицу. Она еще издали, по одной только живой и немного подпрыгивающей походке, узнала, что история с кустами кончилась благополучно... Действительно, Алмазов был весь в пыли и едва держался на ногах от усталости и голода, но лицо его сияло торжеством одержанной победы.

— Хорошо! Прекрасно! — крикнул он еще за десять шагов в ответ на тревожное выражение женина лица. — Представь себе, приехали мы с ним к этим кустам. Уж глядел он на них, глядел, даже листочек сорвал и пожевал. «Что это за дерево?» — спрашивает. Я говорю: «Не знаю, ваше-ство». — «Березка, должно быть?» — говорит. Я отвечаю: «Должно быть, березка, ваше-ство». Тогда он повернулся ко мне и руку даже протянул. «Извините, — говорит, — меня, поручик. Должно быть, я стареть начинаю, коли забыл про эти кустики». Славный он, профессор, и умница такой. Право, мне жаль, что я его обманул. Один из лучших профессоров у нас. Знания — просто чудовищные. И какая быстрота и точность в оценке местности — удивительно!

Но Вере было мало того, что он рассказал. Она заставляла его еще и еще раз передавать ей в подробностях весь разговор с профессором. Она интересовалась самыми мельчайшими деталями: какое было выражение лица у профессора, каким тоном он говорил про свою старость, что чувствовал при этом сам Коля...

И они шли домой так, как будто бы кроме них никого на улице не было: держась за руки и беспрестанно смеясь. Прохожие с недоумением останавливались, чтобы еще раз взглянуть на эту странную парочку...

Николай Евграфович никогда с таким аппетитом не обедал, как в этот день... После обеда, когда Вера принесла Алмазову в кабинет стакан чая, — муж и жена вдруг одновременно засмеялись и поглядели друг на друга.

— Ты — чему? — спросила Вера.

— А ты чему?

— Нет, ты говори первый, а я потом.

— Да так, глупости. Вспомнилась вся эта история с сиренью. А ты?

— Я тоже глупости и тоже — про сирень. Я хотела сказать, что сирень теперь будет навсегда моим любимым цветком...

Примечания

□ Это произведение находится в **общественном достоянии** в странах, где срок охраны авторских прав равен сроку жизни автора плюс 70 лет, или менее.

Источник — [https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=Куст_сирени_\(Куприн\)/ПСС_1912_\(ВТ\)&oldid=1843963](https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=Куст_сирени_(Куприн)/ПСС_1912_(ВТ)&oldid=1843963)»

Куст сирени (Куприн)/ПСС 1912 (ДО)

Материал из Викитеки — свободной библиотеки

< [Куст сирени \(Куприн\)](#)

Перейти к: [навигация](#), [поиск](#)

□

Кусть сирени

авторь *[Александръ Ивановичъ Купринъ](#)* (1870—1938)

← [Мой паспортъ](#)

Полное собраніе сочиненій А. И. Куприна (1912—1915)

[Бѣлая акація](#) →

Опубл.: 1894. Источникъ: □ [Полное собраніе сочиненій А. И. Куприна \(1912\) т. 7. — СПб.: Т-во А. Ф. Марксъ, 1912.](#)

Редакції

- [Кусть сирени](#)
- [Куст сирени](#)
- [Куст сирени](#)
- ([списокъ редакцій](#))

Википроектъ: □ [Википедія](#) □ [Данныя](#)

[41]

КУСТЪ СИРЕНИ.

Николай Евграфовичъ Алмазовъ едва дождался, пока жена отворила ему двери, и, не снимая пальто, въ фуражкѣ прошелъ въ свой кабинетъ. Жена, какъ только увидѣла его насупившееся лицо со сдвинутыми бровями и нервно закушенной нижней губой, въ ту же минуту поняла, что произошло очень большое несчастье... Она молча пошла слѣдомъ за мужемъ. Въ кабинетѣ Алмазовъ простоялъ съ минуту на одномъ мѣстѣ, глядя куда-то въ уголъ. Потомъ онъ выпустилъ изъ рукъ портфель, который упалъ на полъ и раскрылся, а самъ бросился въ кресло, злобно хрустнувъ сложенными вмѣстѣ пальцами...

Алмазовъ, молодой небогатый офицеръ, слушалъ лекціи въ академіи генеральнаго штаба и теперь только-что вернулся оттуда. Онъ сегодня представлялъ профессору послѣднюю и самую трудную практическую работу — инструментальную съемку мѣстности...

До сихъ поръ всѣ экзамены сошпи благополучно, и только одному Богу да женѣ Алмазова было извѣстно, какихъ страшныхъ трудовъ они стоили... Начать съ того, что самое поступленіе въ академію казалось сначала невозможнымъ. Два года подъ рядъ Алмазовъ торжественно проваливался и только на третій упорнымъ трудомъ одолѣлъ всѣ препятствія. Не будь жены, онъ, можетъ-быть, не найдя въ себѣ достаточно энергіи, махнулъ бы на все рукою. Но Вѣрочка не давала ему падать духомъ и постоянно поддерживала въ немъ бодрость... Она пріучилась встрѣчать каждую неудачу съ яснымъ, почти веселымъ лицомъ. Она отказывала себѣ во всемъ необходимомъ, чтобы создать для мужа хотя и дешевый, но все-таки необходимый для занятаго головной работой человѣка комфортъ. Она бывала, по мѣрѣ необходимости, его переписчицей, чертежницей, чтицей, репетиторшей и памятной книжкой.

Прошло минутъ пять тяжелаго молчанія, тоскливо нарушаемаго хромымъ ходомъ будильника, давно знакомымъ и надоевшимъ: разъ, два, три-три: два чистыхъ удара, третій съ хриплымъ перебоемъ. Алмазовъ сидѣлъ, не снимая пальто и шапки и отворотившись въ сторону... Вѣра стояла въ двухъ шагахъ отъ него, также молча, съ страданіемъ на красивомъ, нервномъ лицѣ. Наконецъ она заговорила первая, съ той осторожностью, съ которой говорятъ только женщины у кровати близкаго трудно-больного человѣка...

— Коля, ну какъ же твоя работа?.. Плохо?

Онъ передернулъ плечами и не отвѣчалъ.

— Коля, забраковали твой планъ? Ты скажи, все равно, вѣдь вмѣстѣ обсудимъ.

Алмазовъ быстро повернулся къ женѣ и заговорилъ горячо и раздраженно, какъ обыкновенно говорятъ, высказывая долго сдержанную обиду.

— Ну да, ну да, забраковали, если ужъ тебѣ такъ хочется знать. Неужели сама не видишь? Все къ чорту пошло!.. Всю эту дрянъ, — и онъ злобно ткнулъ ногой портфель съ чертежами: — всю эту дрянъ хоть въ печку выбрасывай теперь! Вотъ тебѣ и академія! Черезъ мѣсяць опять въ полкъ, да еще съ позоромъ, съ трескомъ. И это изъ-за какого-то поганнаго пятна... О, чортъ!

— Какое пятно, Коля? Я ничего не понимаю.

Она съела на ручку кресла и обвила рукой шею Алмазова. Онъ не сопротивлялся, но продолжалъ смотрѣть въ уголъ съ обиженнымъ выраженіемъ.

— Какое же пятно, Коля? — спросила она еще разъ.

— Ахъ, ну, обыкновенное пятно, зеленой краской. Ты вѣдь знаешь, я вчера до трехъ часовъ не ложился, нужно было окончить. Планъ прекрасно вычерченъ и иллюминированъ. Это всѣ говорятъ. Ну, засидѣлся я вчера, усталъ, руки начали дрожать — и посадилъ пятно... Да еще густое такое пятно... жирное. Сталь подчищать и еще больше размазалъ. Думалъ я, думалъ, что теперь изъ него сдѣлать, да и рѣшилъ кучу деревьевъ на томъ мѣстѣ изобразить... Очень удачно вышло, и разобрать нельзя, что пятно было. Приношу нынче профессору. «Такъ, такъ, н-да. А откуда у васъ здѣсь, поручикъ, кусты взялись?» Мнѣ бы нужно было такъ и рассказать, какъ все было. Ну, можетъ-быть, засмѣялся бы только... Впрочемъ, нѣтъ, не размѣется, — аккуратный такой нѣмецъ, педантъ. Я и говорю ему: «Здѣсь, дѣйствительно, кусты растутъ». А онъ говоритъ: «Нѣтъ, я эту мѣстность знаю, какъ свои пять пальцевъ, и здѣсь кустовъ быть не можетъ». Слово за слово, у насъ съ нимъ завязался крупный разговоръ. А тутъ еще много нашихъ офицеровъ было. «Если вы такъ утверждаете, говорить, что на этой сѣдловинѣ есть кусты, то извольте завтра же ѣхать туда со мной верхомъ... Я вамъ докажу, что вы или небрежно работали, или счертили прямо съ трехверстной карты»...

— Но почему же онъ такъ увѣренно говорить, что тамъ нѣтъ кустовъ?

[44]Ахъ, Господи, почему? Какіе ты, ей-Богу, дѣтскіе вопросы задаешь. Да потому, что онъ вотъ уже двадцать лѣтъ мѣстность эту знаетъ лучше, чѣмъ свою спальню. Самый безобразнѣйшій педантъ, какіе только есть на свѣтѣ, да еще нѣмецъ вдобавокъ... Ну и окажется въ концѣ концовъ, что я лгу и въ препирательство вступаю... Кромѣ того...

Во все время разговора онъ вытаскивалъ изъ стоявшей передъ нимъ пепельницы горѣлыя спички и ломалъ ихъ на мелкіе кусочки, а когда замолчалъ, то съ озлобленіемъ швырнулъ ихъ на полъ. Видно было, что этому сильному человѣку хочется заплакать.

Мужъ и жена долго сидѣли въ тяжеломъ раздумьѣ, не произнося ни слова. Но вдругъ Вѣрочка энергичнымъ движеніемъ вскочила съ кресла.

— Слушай, Коля, намъ надо сію минуту ѣхать! Одѣвайся скорѣй.

Николай Евграфовичъ весь сморщился, точно отъ невыносимой физической боли.

— Ахъ, не говори, Вѣра, глупостей. Неужели ты думаешь, я поѣду оправдываться и извиняться. Это значить надъ собой прямо приговоръ подписать. Не дѣлай, пожалуйста, глупостей.

— Нѣтъ, не глупости, — возразила Вѣра, топнувъ ногой. — Никто тебя не заставляетъ ѣхать съ извиненіемъ... А просто, если тамъ нѣтъ такихъ дурацкихъ кустовъ, то ихъ надо посадить сейчасъ же.

— Посадить?.. Кусты?.. — вытаращилъ глаза Николай Евграфовичъ.

— Да, посадить. Если ужъ сказалъ разъ неправду, — надо поправлять. Собирайся, дай мнѣ шляпку... Кофточку... Не здѣсь ищешь, посмотри въ шкапу... Зонтикъ!

[45]Алмазовъ, пробовавшій-было возражать, но не выслушанный, отыскивалъ шляпку и кофточку, Вѣра быстро выдвигала ящики столовъ и комодовъ, вытаскивала корзины и коробочки, раскрывала ихъ и разбрасывала по полу.

— Серьги... Ну, это пустяки... За нихъ ничего не дадутъ... А вотъ это кольцо съ солитеромъ дорогое... Надо непременно выкупить... Жаль будетъ, если пропадетъ. Браслетъ... тоже дадутъ очень мало. Старинный и погнутый... Гдѣ твой серебряный портсигаръ, Коля?

Черезъ пять минутъ всѣ драгоценности были уложены въ ридикюль. Вѣра, уже одѣтая, послѣдній разъ оглядывалась кругомъ, чтобы удостовѣриться: не забыто ли что-нибудь дома.

— Ыдемъ, — сказала она наконецъ рѣшительно.

— Но куда же мы поѣдемъ? — пробовалъ протестовать Алмазовъ. — Сейчасъ темно станетъ, а до моего участка почти десять верстъ.

— Глупости... Ыдемъ!

Раньше всего Алмазовы заѣхали въ ломбардъ. Видно было, что оцѣнщикъ такъ давно привыкъ къ ежедневнымъ зрѣлищамъ человеческихъ несчастій, что они вовсе не трогали его. Онъ такъ методично и долго разсматривалъ привезенныя вещи, что Вѣрочка начинала уже выходить изъ себя. Особенно обидѣлъ онъ ее тѣмъ, что попробовалъ кольцо съ брильянтомъ кислотой и, взвѣсивъ, оцѣнилъ его въ три рубля.

— Да вѣдь это настоящій брильянтъ, — возмущалась Вѣра: — онъ стодитъ тридцать семь рублей и то по случаю.

Оцѣнщикъ съ видомъ усталаго равнодушія закрылъ глаза.

— Намъ это все равно-сь, сударыня. Мы камней вовсе не принимаемъ, — сказалъ онъ, бросая на чашечку вѣсовъ слѣдующую вещь: — мы оцѣниваемъ только металлы-сь.

Зато старинный и погнутый браслетъ, совершенно неожиданно для Вѣры, былъ оцѣненъ очень дорого. Въ общемъ однако набралось около двадцати трехъ рублей. Этой суммы было болѣе чѣмъ достаточно.

Когда Алмазовы прѣехали къ садовнику, бѣлая петербургская ночь уже разлилась по небу и въ воздухѣ синимъ молокомъ. Садовникъ, чехъ, маленькій старичокъ въ золотыхъ очкахъ, только-что садился со своей семьей за ужинъ. Онъ былъ очень изумленъ и недоволенъ позднимъ появленіемъ заказчиковъ и ихъ необычной просьбой. Вѣроятно, онъ заподозрѣлъ какую-нибудь мистификацію и на Вѣрочкины настойчивыя просьбы отвѣчалъ очень сухо:

— Извините. Но я ночью не могу посылать въ такую даль рабочихъ. Если вамъ угодно будетъ завтра утромъ — то я къ вашимъ услугамъ.

Тогда оставалось только одно средство: рассказать садовнику подробно всю исторію съ злополучнымъ пятномъ, и Вѣрочка такъ и сдѣлала. Садовникъ слушалъ сначала недовѣрчиво, почти враждебно, но, когда Вѣра дошла до того, какъ у нея возникла мысль посадить кустъ, онъ сдѣлался внимательнѣе и нѣсколько разъ сочувственно улыбался.

— Ну, дѣлать нечего, — согласился садовникъ, когда Вѣра кончила рассказывать: — скажите, какіе вамъ можно будетъ посадить кусты?

Однако изо всѣхъ породъ, какія были у садовника, ни одна не оказывалась подходящей: волей-неволей пришлось остановиться на кустахъ сирени.

Напрасно Алмазовъ уговаривалъ жену отправиться домой. Она поѣхала вмѣстѣ съ мужемъ за городъ, все время, пока сажали кусты, горячо суетилась и мѣшала рабочимъ, и только тогда согласилась ѣхать домой, когда удостовѣрилась, что дернъ около кустовъ совершенно нельзя отличить отъ травы, покрывавшей всю сѣдловинку.

На другой день Вѣра никакъ не могла усидѣть дома и вышла встрѣтить мужа на улицу. Она еще издали, по одной только живой и немного подпрыгивающей походкѣ, узнала, что исторія съ кустами кончилась благополучно... Дѣйствительно, Алмазовъ былъ весь въ пыли и едва держался на ногахъ отъ усталости и голода, но лицо его сияло торжествомъ одержанной побѣды.

— Хорошо! Прекрасно! — крикнулъ онъ еще за десять шаговъ въ отвѣтъ на тревожное выраженіе женина лица. — Представь себѣ, прѣехали мы съ нимъ къ этимъ кустамъ. Ужъ глядѣлъ онъ на нихъ, глядѣлъ, даже листочекъ сорвалъ и пожевалъ. «Что это за дерево?» — спрашиваетъ. Я говорю: — «Не знаю, ваше-ство». — «Березка, должно-быть?» — говоритъ. Я отвѣчаю: — «Должно-быть, березка, ваше-ство». Тогда онъ повернулся ко мнѣ и руку даже протянулъ. — «Извините, говоритъ, меня, поручикъ. Должно-быть, я старѣть начинаю, коли забыть про эти кустики». Славный онъ, профессоръ, и умница такой. Право, мнѣ жаль, что я его обманулъ. Одинъ изъ лучшихъ профессоровъ у насъ. Знанія — просто чудовищныя. И какая быстрота и точность въ оцѣнкѣ мѣстности — удивительно!

Но Вѣрѣ было мало того, что онъ рассказалъ. Она заставляла его еще и еще разъ передавать ей въ подробностяхъ весь разговоръ съ профессоромъ. Она интересовалась самыми мельчайшими деталями: какое было выраженіе лица у профессора, какимъ тономъ онъ говорилъ про свою старость, что чувствовалъ при этомъ самъ Коля...

И они шли домой такъ, какъ будто бы кромѣ нихъ никого на улицѣ не было: держась за руки и безпрестанно смѣясь. Прохожіе съ недоумѣніемъ останавливались, чтобы еще разъ взглянуть на эту странную парочку...

Николай Евграфовичъ никогда съ такимъ аппетитомъ не обѣдалъ, какъ въ этотъ день... Послѣ обѣда, когда Вѣра принесла Алмазову въ кабинетъ стаканъ чаю, — мужъ и жена вдругъ одновременно засмѣялись и поглядѣли другъ на друга.

— Ты — чему? — спросила Вѣра.

— А ты чему?

— Нѣтъ, ты говори первый, а я потомъ.

— Да такъ, глупости. Вспомнилась вся эта исторія съ сиренью. А ты?

— Я тоже глупости и тоже — про сирень. Я хотѣла сказать, что сирень теперь будетъ навсегда моимъ любимымъ цвѣткомъ...

Примѣчанія.

□ Это произведеніе находится въ [общественномъ достояніи](#) въ странахъ, гдѣ срокъ охраны авторскихъ правъ равенъ сроку жизни автора плюс 70 лѣтъ, или менѣе.

Источник — [https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=Куст_сирени_\(Куприн\)/ПСС_1912_\(ДО\)&oldid=1474508](https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=Куст_сирени_(Куприн)/ПСС_1912_(ДО)&oldid=1474508)